

НАШЕ ПЛАН

ЕЖЕДНЕВНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ,
ЛИТЕРАТУРНАЯ, И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НОМЕРА
ОДНА копейка

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ ОДЕССѢ

На 1 мѣсяцъ . . — р. 35 к.
„ 3 мѣсяца . . — р. 90 к.
„ 6 мѣсяцевъ . 1 р. 75 к.
„ 12 мѣсяцевъ . 3 р. 50 к.

Для иногороднихъ

На 1 мѣсяцъ . . — р. 45 к.
„ 3 мѣсяца . . 1 р. 20 к.
„ 6 мѣсяцевъ . 2 р. 25 к.
„ 12 мѣсяцевъ . 4 р. 30 к.

РЕДАКЦІЯ ГАЗЕТЫ Александровскій проспектъ 15.
КОНТОРА ГАЗЕТЫ ул. Жуковскаго, 12. Тел. № 34-75.

Плата за объявленіи:

Впереди текста **30** коп. за строку петита, позам—**15** коп. Годичныя и мѣсячныя объявленія по соглашенію. Для извѣстій за нятій—**15** коп. за объявленіе въ 4 строки на 4-й страницѣ.

Пріемъ объявленій въ конторѣ газеты ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней отъ 10 час. утра до 7 час. веч.

потемкахъ одежды, быстро одѣваюсь и выхожу. Темно... Ноги мои спотыкаются о какія-то невидимыя желѣзныя шпалы, о канаты; куда ни ступишь, всюду бочки, мѣшки, тряпье... Подъ подошвами угольный мусоръ... Наталкиваюсь въ потемкахъ на что-то рѣшетчатое: это клѣтка съ козулями, которыхъ я видѣлъ днемъ; онѣ не спятъ и съ тревогой прислушиваются къ качкѣ... Около клѣтки сидятъ два турка и тоже не спятъ... Ощупью взбираюсь по лѣстничкѣ на капитанскую рубку... Теплый, но рѣзкій и противный вѣтеръ хочетъ сорвать съ меня фуражку... Качается... Мачта впереди рубки качается мѣрно и не спѣша, какъ метрономъ: стараюсь отвести отъ нея глаза, но глаза не слушаются и вмѣстѣ съ желудкомъ слѣдятъ только за тѣмъ, что движется. Море и небо темны, береговъ не видно, палуба представляется чернымъ пятномъ... Ни огонька.

Сзади меня окно. Гляжу въ него и вижу человека съ лицомъ Павла Михайловича. Онъ внимательно глядитъ на что-то и вертитъ колесо съ такимъ видомъ, какъ будто исполняетъ девятую симфонію... Рядомъ со мной стоитъ маленькій, толстенькій капитанъ въ желтыхъ башмакахъ. Онъ разговариваетъ со мной о кавказскихъ переселенцахъ, о духотѣ, о зимнихъ буряхъ и въ то же время напряженно взглядываетъ въ темную даль и въ сторону берега...

— А ты, кажется, опять забираешь вѣтви!—говоритъ онъ, между прочимъ, кому-то; или:—Тутъ должны быть видны огоньки... Видишь?

— Никакъ нѣтъ!—отвѣчаетъ кто-то изъ потемокъ.

— Полѣзай на верхнюю площадку и погляди!

Темная фигура вырастаетъ на рубкѣ и не спѣша лѣзетъ куда-то вверхъ. Черезъ минуту слышно:

— Есть!

Всматриваюсь вѣтви, гдѣ должны быть огоньки маяка, беру у капитана бинокль и ничего не вижу... Проходитъ полчаса, часъ... Мачта мѣрно качается, нечистая сила скрипитъ, вѣтеръ покушается на фуражку... Тошноты нѣтъ, но жутко...

Вдругъ капитанъ срывается съ мѣста и со словами:

Черртова кукла! бѣжитъ куда-то

назадъ.

— Вѣтви!—кричитъ онъ съ тревогой во все горло.—Вѣтви... вправо! Аря...ра...а-а!

Слышится непонятная команда; парохоль вздрагиваетъ, нечистая сила взвизгиваетъ... „А-ва а-ва!“—кричитъ капитанъ. У самого носа звонятъ въ колоколь, на черной палубѣ бѣготня, стукъ, тревожные крики... „Диръ“ еще разъ вздрагиваетъ, напряженно пытитъ и, кажется, хочетъ дать задній ходъ.

— Что такое?—спрашиваю я и чувствую что-то въ родѣ маленькаго ужаса. Отвѣта нѣтъ.

— Столкнуться хочетъ, черртова кукла!—слышится рѣзкій крикъ капитана!

— Вѣ-ѣ-ва-а!

У носа показываются какіе-то красные огни и вдругъ раздаются среди шума свистъ не Дира, а какого-то другого парохода... Теперь понятно: мы столкнемся! Диръ пытитъ, дрожитъ и какъ будто не движется, ожидая, когда ему идти ко дну... (Тутъ со мной происходитъ маленькое недоразумѣніе, продолжавшееся не болѣе полминуты, но доставившее мнѣ немало мученій... Полминуты я былъ убѣжденъ въ томъ, что я погубилъ парохоль. О недоразумѣніи расскажу при свиданіи, писать же о немъ длинно, нѣтъ мочи).

Но вотъ, когда по моему мнѣнію все уже погибло, слѣва показываются красные огни и начинается вырисовываться силуэтъ парохода... Длинное, черное тѣло плыветъ мимо, виновато мигаетъ красными глазами и виновато свиститъ.

— Уфъ! Какой это парохоль?—спрашиваю я капитана.

Капитанъ смотритъ въ бинокль на силуэтъ и говоритъ:

— Это Твиди.

Послѣ нѣкотораго молчанія заводимъ рѣчь о Вестѣ, которая столкнулась съ двумя пароходами и погибла. Подъ вліяніемъ этого разговора, море ночью, вѣтеръ начинаютъ казаться отвратительными, созданными на погибель человека, и, глядя на толстенькаго капитана, я чувствую жалость. Мнѣ что-то шепчетъ, что этотъ бѣднякъ рано или поздно тоже пойдетъ ко дну и захлебнется соленой водой...

Иду къ себѣ въ каюту... Душно и воняетъ кухней. Раздѣваюсь до нага и ложусь... Темнота колеблется, кровать словно дышитъ... Бумъ, бумъ, бумъ... Обливаюсь потомъ; задыхаясь и чувствуя во всемъ тѣлѣ тяжесть отъ качки, я спрашиваю себя: „Зачѣмъ я здѣсь?“

Просыпаюсь... Уже не темно... Весь мокрый, съ противнымъ вкусомъ во рту, одѣваюсь и выхожу... Все покрыто росой... Козули глядятъ по-человѣчески сквозь рѣшетку и, кажется, хотятъ спросить: „Зачѣмъ мы здѣсь?“ Капитанъ попрежнему сидитъ неподвижно и всматривается въ даль.

На вѣтви таетъ гористый берегъ... Виденъ Эльборусъ изъ-за горъ. Восходитъ мутное солнце... Видна зеленая Рюсская долина, а возлѣ нея Потійская бухта...

Путевой рассказъ А. П. Чехова.

(Изъ письма къ М. П. Чехову
1888 г.).

Паршивенькій грузовой парохоль „Диръ“ мчится на всѣхъ парусахъ (8 узловъ въ часъ) отъ Сухума до Поты. Двѣнадцатый часъ ночи. Въ маленькой каюткѣ, единственной на парохоль и похожей на в.-к., нестерпимо душно и жарко. Воняетъ гарью, канатомъ, рыбой и моремъ. Слышно, какъ работаетъ машина: „бумъ, бумъ, бумъ...“ Надъ головой и подъ поломъ скрипитъ нечистая сила... Темнота качается въ каюткѣ, а кровать то поднимается, то опускается... Все вниманіе желудка устремлено на кровать, и онъ, словно нивелируя, то подкатываетъ выпитую сельтерскую воду къ самому горлу, то опускаетъ ее къ пяткамъ... Чтобы не обливаться въ